

ББК 63.444(235)-425

Е. Л. Костылёва, Н. Е. Зарецкая, А. Ю. Кабанов, А. В. Уткин

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ОСТАТКОВ ДЕРЕВЯННОЙ КЛЕТИ ЗЕМЛЯНОГО ВАЛА ЛУХСКОЙ КРЕПОСТИ ИЗ РАСКОПОК 2008 г.

Публикуются результаты радиоуглеродного датирования остатков деревянной клетки от внутренней конструкции земляного вала памятника археологии эпохи позднего Средневековья — крепости в поселении Лух Ивановской области. Радиоуглеродный возраст образца 130 ± 30 BP (ГИН-14141). Календарный возраст, полученный после стандартной процедуры калибровки в программе OxCal v. 3.10, представлен тремя возможными значениями: 1680—1740 гг.; 1830—1890 гг.; 1910—1940 гг. н. э. Все эти даты противоречат другим источникам по возрасту лухской крепости и объясняются загрязнением образца молодой органикой, содержащейся во вмещающем образцы слое (корни деревьев). Дата не может быть признана валидной.

Ключевые слова: поселение Лух, средневековая крепость, деревянная клеть, радиоуглеродное датирование, календарный возраст, загрязнение образца.

The results of radiocarbon dating of wooden base of the earth mound at archaeological site from the late Middle Ages — fortress in Lukh settlement — are published. The radiocarbon date of the sample is 130 ± 30 BP (AAP-14141). The possible calendar date defined by standard calibration procedure conducted with OxCal v. 3. 10 are 1680—1740, 1830—1890 and 1910—1940. All these dates contradict other sources on the date of the Lukh fortress and can be explained by the sample pollution with late organics (roots of the trees) in the layer here the sample was taken from. Thus the date cannot be recognized valid.

Key words: Lukh settlement, medieval fortress, wooden base, radiocarbon dating, calendar age, sample pollution.

Небольшое поселение Лух расположено на востоке современной Ивановской области, на левом берегу одноименной реки, впадающей в Клязьму. Впервые в летописи этот укрепленный городок был упомянут под 6937 г. (1429 г.) в связи с разорением его (наряду с Костромой и Плёсом) татарами [9, с. 8].

От его оборонительных сооружений до наших дней сохранились земляные валы, которые ныне являются памятником истории и культуры федерального значения [1, с. 123]. Они расположены в центральной части современного поселения и окружают древнее городище с трех сторон — северной, южной и восточной. Их общая протяженность — 295 м. В поперечном сечении они трапециевидные, ширина основания 20—30 м, по гребню 5—8 м, высота 4—5 м, глубина прилегающего рва 4—5 м при ширине 20—25 м. В восточном валу устроен проем для въездных ворот шириной 10 м.

© Костылёва Е. Л., Зарецкая Н. Е., Кабанов А. Ю., Уткин А. В., 2013

Лухское городище в археологическом плане исследовалось неоднократно. Впервые оно было кратко описано И. К. Херсонским в 1890 г. [13]. Затем, спустя почти 100 лет — в 1984 г., городище было обследовано в рамках программы по составлению археологической карты России К. И. Комаровым, который дал его подробное описание и выполнил инструментальную съемку плана памятника [1, с. 123]. В 1986 г. небольшие работы здесь провел П. Н. Травкин [12]. Им было заложено два шурфа размерами 2×2 и 1×1 м в северной и южной частях городища. Наконец, летом 2003 г. И. В. Купцов в северо-западной части городищенской площадки вскрыл еще 4 кв. м [7]. Во всех шурфах было встречено много кованых строительно-крепежных гвоздей и битой керамической посуды, в основном достаточно позднего облика (XVII—XVIII вв.). Но по мнению исследователей, из всей массы этого керамического материала можно выделить и отдельные черепки конца XIV в. Хотя выраженного слоя антропогенных отложений этого столетия (да и XV—XVI вв.) на памятнике не выявлено.

В 2008 г. Е. Л. Костылёвой в преддверии строительных работ по созданию модели деревянной крепости на валах были проведены охранные раскопки на площади в 246,5 кв. м, затронувшие район проездной башни и прилегающих к ней участков валов. Результаты этих исследований опубликованы [5].

В ходе раскопок в верхней части валов были найдены в основном вещи XVIII—XIX вв. (кованые гвозди, глиняные светильники, обломки глиняной и фаянсовой посуды и изразцов и пр.). И лишь в засыпке одной из внутривальной клетки, примыкавших к основному объему древней башни, было обнаружено несколько обломков керамической посуды XV в. На основе этого и с учетом того, что лухская крепость, по данным письменных источников, в начале XV в. уже существовала, сооружение насыпи было авторами публикации предварительно также отнесено к рубежу первого и второго десятилетий XV в.

С целью более точного определения времени постройки крепости в ходе работ был проведен отбор образца древесины от западной стенки внутривальной клетки № 4 (рис. 1), отправленного на радиоуглеродное датирование в Геологический институт РАН.

Сохранность древесины средняя. Она достаточно рыхлая, распадающаяся на отдельные волокна. Количество массы, подвергшейся датированию, вполне достаточное.

Образец подвергся стандартной процедуре обработки [3] в радиоуглеродном подразделении лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН. Полученная дата составляет 130 ± 30 ^{14}C лет (ГИН-14141). Для приведения радиоуглеродного возраста к календарному дата была подвергнута стандартной процедуре калибровки в программе OxCal v. 3.10 [14, 15]. Результат представлен на рис. 2.

На рисунке видно, что дата попала на очень неровный участок калибровочной кривой, поэтому почти равновероятны следующие календарные значения возраста образца клетки: 1680—1740 гг.; 1830—1890 гг.; 1910—1940 гг. н. э.

Наиболее вероятное значение возраста образца — 1690 г. н. э. (соответствует самому высокому пику в левой части графика). Можно было бы предположить, что эта дата связана со временем перестройки или подновления

лухской крепости, так как в XVII в. она заметно обветшала. Вот что о ее состоянии сообщалось в «Писцовой книге города Луха, посада и посадской выгонной земли письма и меры Ивана Афанасьевича Головленкова и подьячего Василия Львова», составленной «в лета 7133 и 7134» (1624—1626 гг.): «Город Лух на реке на Луху древян ветх, вдоль шездесят сажен, поперег тридцать пять сажен, а дворов в городе нет» [8, с. 260].

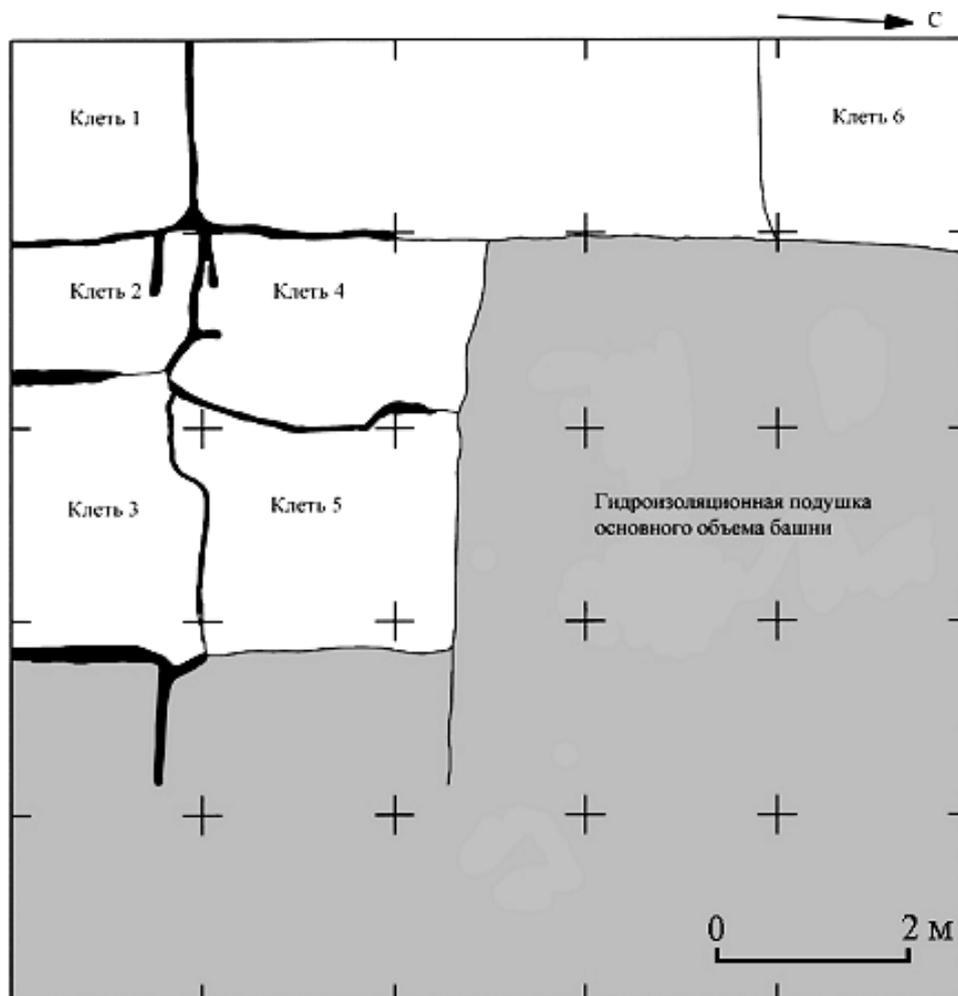

Рис. 1. Городище Лух. Валы. План центрального участка раскопа 2008 г. на уровне предматерика (рис. Н. Цветковой, Е. Костылёвой)

А через три десятка лет (1658 г.) в «Расписном списке города Луха...» говорится уже о разрушении как стен крепостной башни, так и стен на валу и фактически о потере военного значения крепости: «...город в Луху пуст из давних лет стены с башни обвалились а острогу нет... а ключей городовых и острожных и наряду и зелья и свинцу и всяких пушечных запасов и житниц и хлеба в городе и на посаде никакого нет...» [10, стб. 142, л. 92].

О полном запустении и развале крепости упоминается и в описи городов 1678 г., где со ссылкой на «отписку» жильца Федора Тимофеевича Воейкова и на «книги» говорится: «Город развалился до подошвы, стоит осыпью одною стороною на Лух реку» [2, с. 222].

Можно было бы предположить, что в конце XVII в. была предпринята попытка подновить проездную башню. Однако это вряд ли имело место. Прежде всего археологически не улавливались следы каких-либо перекопов, которые, несомненно, «читались» бы в слое в случае проведения в XVII в. строительных работ. Кроме того, на рисованном плане города Луха конца XVII — начала XVIII вв., видно, что от крепости осталась лишь осыпь, но внутри имеются строения [11, с. 195]¹. А вот на картине первой трети XIX в. художника А. Кореонова «Панорама Луха», внутри валов уже ничего нет. А на месте проездной башни — провал².

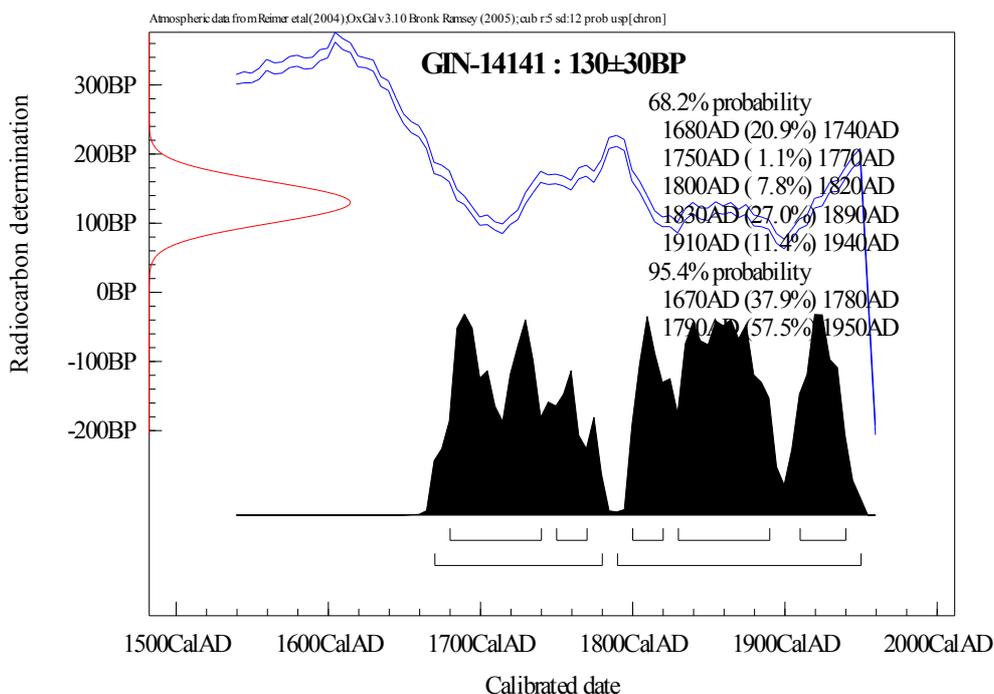

Рис. 2. Городище Лух. Валы. Радиоуглеродная дата и календарный возраст образца древесины внутривальной клетки № 4

Наконец, необходимо учитывать, что многие крепости в XVII в. после событий Смутного времени и постепенной стабилизации жизни потеряли свое значение. Давно исчезла и угроза татарских набегов. Поэтому неудивительно, что они ветшали, разрушались и власти не предпринимали никаких мер к их восстановлению. Исчезла историческая необходимость строительства и содержания подобных крепостей, по крайней мере в центральной части России. При этом заметим, что в пограничных районах и в Сибири, где политическая ситуация была иной, строительство деревянных крепостей велось и в XVII в. [6].

В связи с этим полученную радиоуглеродную датировку по лухской крепости нельзя признать валидной. Налицо явное омоложение образца, что,

¹ План города Луха хранится в отделе редкой книги библиотеки Санкт-Петербургского отделения РАН.

² Акварель А. Кореонова «Панорама Луха» хранится в Государственном историческом музее. Опубликовано в журнале «Архитектурное наследие» (1985. № 33. С. 8).

видимо, связано с загрязнением его более молодым углеродом. Об этом свидетельствует и то, как «повел себя» образец в ходе подготовки к датированию: он полностью растворился во время обработки его горячим раствором NaOH, поэтому, вместо обычного датирования очищенной в щелочи древесины на измерение возраста была отправлена щелочная вытяжка. Это, в свою очередь, могло привести к смешению в датированном материале более древней (соответствующей возрасту клетки) и более молодой фракций углерода. Возможно, последняя попала в образец из вмещающей его почвы. Необходимо заметить, что лухское городище в XIX в. было превращено в парковую зону, в его пределах, в том числе и в районе проездной башни, где проводились раскопки, были посажены липы, корневая система которых проникала глубоко в почву и могла загрязнить образец. Таким образом, полученная радиоуглеродная дата может представлять собой «сумму» углерода клетки и более молодого углерода, связанного с загрязнением образца современной растительностью.

Несмотря на то что полученная радиоуглеродная дата оказалась далека от ожидаемой (XV—XVI вв.), мы сочли необходимым ее опубликовать и представить возможные варианты ее интерпретации.

Библиографический список

1. Археологическая карта России : Ивановская область / сост. К. И. Комаров ; Ин-т археологии РАН. М., 1994. 224 с.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 9. 384 с.
3. *Зарецкая Н. Е.* Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяных поселений Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М. : Academia, 2005. С. 113—129.
4. *Кабанов А. Ю.* Страницы истории Лухского края // Лухский край : земля заповедная. Иваново : Иваново, 2003. С. 215—330.
5. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Предварительные результаты раскопок земляного вала лухской крепости осенью 2008 года // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3. С. 26—39.
6. *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 192 с.
7. *Купцов И. В.* Отчет о проведении археологических изысканий на территории пос. Лух Ивановской обл. 11—13 июля 2003 г. // Архив Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области.
8. Писцовая книга города Луха, посада и посадской выгонной земли письма и меры Ивана Афанасьевича Головленкова и подьячего Василия Львова // Смутное время: итоги и уроки : сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. Ю. Кабанов. Иваново : Иваново, 2012. С. 260—272.
9. Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12. 267 с.
10. Расписной список города Луха, сданного воеводой Григорием Борисовичем Кайсаровым воеводе Назарию Леонтьевичу Алексею от 26 января 1658 г. // РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола.
11. *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до конца XVII века : планировка и застройка русских городов. М. ; Л. : Госстройиздат, 1953. 216 с.
12. *Травкин П. Н.* Отчет Ивановского разведывательного отряда Верхневолжской экспедиции о раскопках Петровского древнерусского селища и разведках в Приволжском, Заволжском и Лухском районах Ивановской обл. в 1986 г. // Архив ИА РАН. № 11 498. Л. 10—11.

13. Херсонский И. К. Сведения о некоторых памятниках старины, доставленных в Костромскую ученую архивную комиссию от церковью Костромской епархии // Костромская старина. Кострома, 1890. Вып. 1.
14. Bronk Ramsey C. Comment on «The Use of Bayesian Statistics for 14C Dates of Chronologically Ordered Samples: a Critical Analysis» // Radiocarbon. 2000. Vol. 42, № 2. P. 199—202.
15. Bronk Ramsey C. OxCal. 2005 v. 3.10.

ББК63.3(2)53-7 + 74.03(2)5

К. Е. Балдин

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(На примере города Иваново-Вознесенска)**

Статья посвящена деятельности провинциальных предпринимателей, интеллигенции и органов общественного самоуправления по созданию и развитию начальных и средних профессиональных учебных заведений в городе Иваново-Вознесенске. Активность упомянутых социальных слоев и общественных структур стала одним из свидетельств формирования в России в поздней имперский период элементов гражданского общества.

Ключевые слова: профессиональное образование, российская буржуазия, интеллигенция, органы общественного самоуправления, попечительские организации, общества вспомоществования, гражданское общество.

The article is devoted to the activity of businessmen, intelligentsia and self-government bodies in order to create and develop elementary and secondary professional educational institutions in Ivanovo-Voznesensk. Their activity illustrates the formation of civil society elements in late imperial Russia.

Key words: professional education, Russian bourgeoisie, intelligentsia, self-government bodies, trustee funds, compassionate benefit societies, civil society.

До последнего десятилетия XIX в. профессиональное образование в России было развито очень слабо, в особенности это касалось его среднего и начального звеньев. К началу 1890-х гг. в стране существовали десятки общеобразовательных заведений — гимназий и реальных училищ, тысячи земских, церковно-приходских и иных начальных школ; вузов было не так много, но это были очень серьезные учреждения, дававшие добротное образование. В то же время технических, коммерческих, сельскохозяйственных школ и училищ было крайне мало. Настоящий скачок вперед профессиональное образование совершило в период, когда в 1892—1903 гг. Министерство фи-

---

© Балдин К. Е., 2013

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Образовательное пространство российской провинции и общественность в конце XIX — начале XX в.» (проект № 13-11-37001).

• Серия «Гуманитарные науки»